

Глава 62. Какой позор

Когда Цзян Тан увидел эту духовную весть, он от радости дважды перекатился по кровати.

Он и сам не понимал, почему так счастлив, но счастье просто распирало его изнутри. Волосы растрепались, щёки покраснелись.

Только докатившись до конца, он вспомнил, что завтра ребята собираются отправиться в храм Учань, и поспешно сел, чтобы рассказать об этом Фу Линцзюню.

— ...После слов того чудовища рассказ хозяина Ху уже звучит куда правдоподобнее. И обе пропавшие девушки были людьми с восемью знаками чистого инь, и обе бывали в месте под названием храм Учань.

— Чудовище хватает только молодых девушек, поэтому все решили, что завтра Хуай Чэнъинь переоденется женщиной и пойдёт в храм Учань жечь благовония.

Разумеется, это самое «все решили» на деле означало жребий. Сян Син отпал заранее, слишком уж здоровый. Шэн Исюэ и Цзян Тан не были даосскими культиваторами и не смогли бы защитить себя, так что их тоже исключили. В итоге жребий тянули только из троих: Е Чжэнвэнь, Сун Цзиньяо и Хуай Чэнъинь.

И, к счастью, выиграл Хуай Чэнъинь.

К тому же лицо у него было с лёгкой детской округлостью, не такое мужественное по контуру, как у двух других. Если ещё учесть густые брови, большие глаза и светлую кожу, то после минимального переодевания он и правда вполне мог сойти за девушку. Так что все очень радостно одобрили этот план.

Все, кроме самого Хуай Чэнъиня.

Он протестовал долго. Говорил, например, что он самый высокий из троих, или что сейчас у него возраст ломки голоса. Но всё это одним предложением пресёк Е Чжэнвэнь:

— Проиграл в жребий, значит смирись.

И тут уж ничего не поделаешь: с самого начала договорились, что назад дороги не будет.

Рассказав обо всём, что случилось сегодня, Цзян Тан немного робко спросил:

— Мы договорились с утра пораньше идти в храм Учань... А ты когда вернёшься?

Днём опасности не было. Чудовище появлялось только ночью. К тому же он был мужчиной, а чудовище хватало лишь женщин с восемью знаками чистого инь, так что как ни крути, до него очередь не дойдёт.

Он, конечно, мог пойти в храм Учань вместе с ребятами. Но ещё сильнее ему хотелось как можно скорее увидеться с Фу Линцзюнем. Хоть они и были порознь всего два дня, Цзян Тан уже успел по нему соскучиться.

Будто только рядом с ним он переставал тревожиться и гадать о плохом.

Золотисто-алая духовная птица принесла весть, от которой у него сразу стало спокойно на сердце, и ласково потёрлась о его руку.

«Завтра утром».

Вообще-то по плану Фу Линцзюнь должен был вернуться только завтра, но теперь всё перенёс на утро.

Цзян Тан невольно задумался, не ради него ли Фу Линцзюнь возвращается раньше. Но спросить напрямую постеснялся и потому ещё немного поболтал о пустяках, в основном о забавных событиях дня, потом послушно пожелал спокойной ночи и провалился в сладкий сон.

Талисман духовной связи — величайшее изобретение мира бессмертных, без всяких исключений! С этой мыслью Цзян Тан всё сильнее проваливался в сон.

И тут ему снова приснился сон, который совсем нельзя было бы показывать людям.

Наверное, потому что в последнее время он временно расстался с Фу Линцзюнем, ему всё чаще снились сны о нём.

В прошлый раз действие происходило на мягкой кровати, окружённой белоснежными занавесями. На этот раз всё переместилось внутрь утёса Жисы.

Ливень захлестнул весь мир. Завеса дождя отрезала крохотную пещеру от всего остального, крупные капли с тяжёлым стуком били по земле. Золотисто-алая огненная феникс-птица кружила в тёмной пещере, согревая и освещая каждый её угол.

И снова всё началось с такого смелого действия, что Цзян Тану хотелось закрыть глаза.

Но хотя он и говорил себе, что смотреть нельзя, всё же украдкой жадно глянул не один раз.

Ничего не поделаешь, просто Фу Линцзюнь во сне был до безумия красив.

Не то чтобы в обычной жизни великий босс был некрасив. Но Цзян Тан уже, кажется, подсел на того Фу Линцзюня из сна, у которого исчезали суровость, холодность и заносчивая отчуждённость. Глубокие глаза словно были выведены тушью штрих за штрихом, и в них целиком отражался только он один.

Будто он и правда был человеком, которого любит Фу Линцзюнь.

Это чувство опьяняло Цзян Тана. Он позволил себе запретные мысли о Фу Линцзюне и во сне даже решился на смелые действия.

Или, точнее, сон решился за него. Всё то, на что он не осмеливался наяву, во сне было проделано до конца. Правда, под конец всё снова перевернулось: сначала это он делал с Фу Линцзюнем всякое такое, а затем уже Фу Линцзюнь делал всякое такое с ним.

Даже во сне его поцелуи были ужасно неловкими и неумелыми, так что великому боссу они явно не нравились. Но солёная рыба, добровольно согласившаяся быть пойманной, всё равно успела увидеть ещё один прекрасный сон, от которого можно заработать истощение почек.

Проснулся Цзян Тан весь в поту.

С самого утра он велел службе приготовить большую бадью горячей воды. Поставив ширму, снял промокшую от пота одежду и, весь красный, шагнул в воду.

По поверхности воды плавали свежие лепестки, явно сорванные только сегодня утром. Вода

пропиталась густым цветочным ароматом, но ему сейчас было не до привередничанья. Он целиком окунул голову под воду.

Буль-буль-буль — вверх поднялась длинная цепочка пузырей.

Цзян Тан долго сидел под водой, и стоило ему только коснуться собственной кожи, как по телу снова расползались странные ощущения из сна.

Ему казалось, будто он до сих пор помнит, как ладонь Фу Линцзюня скользила по его спине, вызывая дрожь и слабость во всём теле. Это чувство сводило его с ума и заставляло вспоминать снова и снова.

Будто нечто подобное и вправду когда-то уже происходило.

А не было всего лишь смелой фантазией во сне.

Но как такое вообще могло случиться наяву?

В глазах Фу Линцзюня он по-прежнему был щеночком, который ничего не понимает. Как тот мог сделать с ним во сне такое? Цзян Тан, чья голова была полна жёлтых мыслей, помотал головой и обеими руками закрыл пылающее лицо.

У-у-у, он точно какой-то похотливый извращенец. В реальности храбрости распускать руки на великого босса не хватает, вот он и пользуется случаем, чтобы щипать его во сне. Один раз оказалось мало, теперь ещё и второй.

Хорошо хоть в этот раз великий босс уехал по делам, так что, проснувшись, он не обнаружил себя у него в объятиях. Иначе это уже было бы совсем не объяснить.

Небо ещё только серело. До рассвета было далеко, кругом стояла тишина.

Особенно отчётливо в этой тишине слышался плеск воды, в которой купался Цзян Тан.

За окном внезапно мелькнула высокая фигура. Уже собравшись толкнуть дверь, она замерла.

Фу Линцзюнь застыл на месте.

Тело его слегка напряглось. Услышав льющийся из комнаты плеск воды, он мгновенно ушёл в сторону и оказался поодаль.

Внутри комнаты горячий пар раз за разом касался покрасневшегося лица Цзян Тана. Когда тот наконец решил выбраться из бадьи, всё тело уже ослабело от слишком долгого сидения в горячей воде, голова кружилась, в глазах плыло, ноги не держали.

Плюх!

Цзян Тан тяжело шлёпнулся обратно в бадью, по инерции ещё и ушёл глубже под воду, успев хлебнуть собственной купальной воды.

Нет, всё, он слишком долго отмокал, теперь даже встать не может.

— Кхе-кхе... — цепляясь обеими руками за край бадьи, Цзян Тан попытался подняться, но сил не было, и он снова опустился обратно.

Вода брызнула во все стороны, вокруг воцарился полный беспорядок.

Он возился в бадье довольно долго и всё никак не мог выбраться. И тут неизвестно откуда появилась рука и, без всякой преграды из ткани, легла ему на талию.

Совсем как в ночном сне, когда он сам, без единой нитки, прижимался к Фу Линцзюню, а тот держал его за поясицу горячей и сильной рукой.

— Мм, — он хотел вырваться, но всё тело было мокрым и скользким, как рыба.

И тут он услышал низкий голос Фу Линцзюня:

— Не двигайся.

Цзян Тан мгновенно замер.

Та рука чуть приподняла его и без всякого труда вытащила из бадьи.

Яркий лепесток, прилипший к тонкой талии юноши, был сильно растёрт под пальцами. Цветочный сок вместе с каплями воды медленно потёк по этой узкой дуге вниз.

Кадык Фу Линцзюня едва заметно качнулся. Он отпустил человека рядом с собой.

Но Цзян Тан не мог стоять. Почти рефлекторно он обнял стоящего рядом и поднял голову. На том самом заурядном лице Фу Линцзюня, у которого обычно ни одна прядь не выбивалась из причёски, теперь на лоб падало сразу несколько прядей, будто он и правда спешил сквозь ветер и пыль, проделав долгий путь, чтобы вернуться сюда.

— Ты... почему... — Цзян Тану казалось, что он сейчас умрёт от жара той руки на своей талии.

Только что его вытащили из бадьи, на нём не было ни клочка одежды. Он хотел хотя бы руками прикрыться, но сил не хватало. Фу Линцзюнь уже отпустил его, а он всё равно без конца клонился к нему. От стыда Цзян Тану хотелось потерять сознание прямо на месте.

К счастью, сверху внезапно опустилась одежда и накрыла его с головы до ног.

— С-спасибо... — Цзян Тан уже не знал, что вообще говорить. Он кое-как завернулся в одежду и изо всех сил попытался выпрямиться, борясь с головокружением от слишком долгого купания.

После того как он уже однажды очнулся у великого босса на руках сразу после своих фантазий о нём, теперь случилось ещё и утреннее голое столкновение лицом к лицу после тех же самых фантазий.

У-у-у, ну почему он всё время попадает в такие позорные ситуации? Великий босс ведь наверняка сочтёт его ужасно надоедливym. Когда он был пушистиком, всё же было куда удобнее.

Он украдкой взглянул на Фу Линцзюня. Пока что никаких особых эмоций на его лице не увидел, и потому тихонько выдохнул, опустив голову.

И не заметил, какая тёмная, сложная волна чувств промелькнула в опущенных глазах Фу Линцзюня.

Когда Цзян Тан на ватных ногах спустился вниз вместе с Фу Линцзюнем, ребята уже

завтракали.

Тук.

У Е Чжэнвэня из рук выпала одна палочка. Он посмотрел на пылающее лицо Цзян Тана, на то, как тот едва держится на ногах, потом перевёл взгляд на совершенно невозмутимого брата Линя и почувствовал себя до крайности неловко.

Боже, ну можно же было хоть немного сдержаться? Это ведь ещё даже белый день! И вообще, когда брат Линь успел вернуться? Вернулся и сразу пошёл в комнату к молодому господину Цзяну? А если бы кто-нибудь это увидел?

Но ещё страшнее было то, что, похоже, кроме него, никто за столом не замечал между этими двумя ничего странного.

Будто пока они не обнимаются в открытую, все остальные вообще не способны уловить эту удушающую для одиноких атмосферу близости.

— А? — Хуай Чэнъянь, попивая пшённую кашу, почесал шею и, увидев Фу Линцзюня, тепло его поприветствовал: — Господин Линь, когда вы вернулись?

Остальные, услышав голос Хуай Чэнъяня, тоже повернули головы к лестнице и дружно поздоровались.

Фу Линцзюнь как бы невзначай поддерживал Цзян Тана за поясницу, заботясь о его слабости после слишком долгого купания и нехватки воздуха.

— Сегодня утром.

— Тогда отлично, можно всем вместе идти в храм Учань! Молодой господин Цзян, наверное, уже рассказал вам об этом? Вы же всё время обмениваетесь духовными вестями, — говорил Хуай Чэнъянь и при этом, не рассчитав силы, снова чесал себе шею, пока не расцарапал на белой коже ярко-красное пятно.

— Господин Хуай, у вас в комнате были насекомые? — заботливо спросила Шэн Исюэ и достала из жемчужины Нахай маленькую коробочку со светло-зелёной мазью. — Помажьте, очень хорошо помогает.

Хуай Чэнъяню зуд уже совсем надоел, так что он поспешно взял коробочку, зачерпнул немного мази и размазал по шее.

— Ох, как хорошо, — он тут же заметно оживился и начал жаловаться без умолку: — Сам виноват, конечно. Проснулся после медитации, а шея вся искусана... Вот уж действительно, комары везде одинаково ядовитые. Посмотрите только на эти укусы. За три-пять дней не пройдут, не иначе.

Цзян Тан сел вместе с Фу Линцзюнем напротив Хуай Чэнъяня, по одну сторону с Е Чжэнвэнем.

Подвинувшись ближе, Хуай Чэнъянь вдруг о чём-то вспомнил, несколько раз глянул на шею Цзян Тана и сказал:

— Молодой господин Цзян, у вас на шее укус до сих пор не прошёл? Давайте-ка вам тоже помажем, я уже несколько дней на него смотрю.

И, не задумываясь, подвинул ему мазь, которую дала Шэн Исюэ.

Цзян Тан всё ещё тонул в смущении. Услышав эти слова, он очень долго не мог сообразить, о чём речь, и только тупо переспросил:

— А?

Какой ещё укус? Его никто не кусал.

Лицо Е Чжэнвэня перекопилось.

Он украдкой глянул то на Линь Шэна, то на Цзян Тана и решил проглотить секрет, сделав вид, что ничего не знает.

Но если он молчит, это ещё не значит, что промолчат остальные.

Хуай Чэнъинь, боясь, что Цзян Тан не увидит укус на шее, даже специально достал маленькое бронзовое зеркальце и протянул ему:

— На, смотри и мажь.

Цзян Тан взял зеркальце со стола.

На белой шее отчётливо проступал уже бледнеющий засос.

И, похоже, красовался там уже два или три дня.

<http://bllate.org/book/17032/1644683>